

БИБЛИОТЕЧКА ИЗБРАННОЙ ЛИРИКИ

АЛЕКСЕЙ
ГУРКОВ

АЛЕКСЕЙ СУРКОВ

Издательство ЦК ВЛКСМ
«Молодая гвардия»
1968

Редакционная коллегия:

**А. ДЕМЕНТЬЕВ, Ю. ДРУНИНА,
С. НАРОВЧАТОВ, В. ОСИПОВ,
Б. РУЧЬЕВ, Я. СМЕЛЯКОВ,
Н. ТИХОНОВ, Вас. ФЕДОРОВ**

Сурков Алексей Александрович
ИЗБРАННАЯ ЛИРИКА. М., «Молодая гвардия», 1968.
32 с. («Б-чка избранной лирики»)

Редактор *М. Беляев*
Художник *А. Власова*
Художественный редактор *Н. Коробейников*
Технический редактор *Н. Туркина*

Сдано в набор 12/IX 1968 г. Подписано к печати 4/XII 1968 г. А04322.
Формат 70×108¹/₃₂. Бумага типографская № 2. Печ. л. 1 (усл. 1,4). Уч.-изд.
л. 1,3. Тираж 100 000 экз. Зак. 1865. Цена 13 коп. Т. П. 1968 г., № 384.
Типография изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия», Москва, А-30, Су-
щевская, 21.

СОЛДАТСКИХ ДУМ ИЗБРАННИЦА

В одном из своих военных очерков, написанных в разгар победного наступления в декабре 1942 года, Алексей Сурков писал о том, как шедшие на запад бойцы «жмуясь, оборачивались на вспышки фар, на лицах у них было выражение решимости и силы».

И, вспоминая о предшествующих трудных месяцах, о вынужденном отходе по этим же степям под натиском врага, поэт добавляет:

«Может быть, многие из них шли здесь тогда в летней пыли».

Он прекрасно понимал, какое ликующее чувство сопричастности к победе испытывают эти люди: ведь они были не только героями его стихов, но и товарищами военных дорог.

Алексей Сурков сам, как старый солдат в одном из его тогдашних очерков, «меду походного полной мерой хлебнул» — за гражданскую войну, и за зимнюю кампанию в Финляндии в 1939—1940 годах, и, наконец, в Великую Отечественную.

Он запечатлел в своих стихах, в своей лирике многообразные чувства, которые испытывали его соотечественники и он сам — «фронтовой бродяга-газетчик... в любом блиндаже родня».

В дни горьких испытаний он мечтал, «чтоб от песни слезы застывали каплями смертельного свинца». Но в те же дни, как вспоминал он сам, «из-под пера вдруг начинают ложиться на бумагу никак не подходящие к темам ближайших газетных номеров строки», но на самом деле такие же нужные, как глоток воды для бойца, как письмо из дому. Так рождались его песни, вроде знаменитой «Землянки», облетавшие от моря и до моря весь огромный фронт, и в этих очень личных и в то же время предельно обобщенных словах каждый слышал что-то свое, как разное видят солдаты, задумчиво глядя, как «бьется в тесной печурке огонь».

Так оказалось, что «голос войны, как бы громок он ни был, бессилен перед слабым человеческим голосом поэта, если этот голос открыт любовью к жизни».

Стих Суркова энергичен, стиль скуповат и жёсток. Он не гонится ни за редкой рифмой, ни за щегольским эпитетом. Это скорее словесная графика, где экспрессия нагнетается не красками, а резкостью и четкостью линий («Огонь бежит по черным ребрам крыши»). Но тем красочнее выделяются на этом фоне внезапные, колющие искры юмора и глубоко эмоциональные живописные мазки. Так, говоря о своем деревенском детстве, Сурков обронил неожиданные строки:

*...матери тихой несмелая ласка —
Как солнечный зайчик на черной стене.*

И как много вдруг проглянуло за ними!

Настоящая поэзия не стареет. Я перечитываю стихи Суркова, собранные в этой книге, и думаю, что к его музе, как ни необычно для старинного слова применительно к этому поэту, можно отнести его давние слова о песне:

*Солдатских дум избранница,
Она и здесь жива,
И здесь к ней сердце тянется,
Как к солнышку трава.*

А. Турков

О НЕЖНОСТИ

Мы лежали на подступах в небольшой деревеньке.
Пули путались в мякоти аржаного омета.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Вынес Леньку, дозорного, из-под пулемета.

Ленька плакал. Глаза его синие, шелками,
Затекали слезами и предсмертным туманом.
На сутулой спине, разможенной осколками,
Кровь застыла пятном, густым и багряным.

Подползла санитарка отрядная рыжая.
Спеленала бинтом, как пеленками туго,
Прошептала: — Отплавал матросик, не выживет,
Потерял ты, Петрусь, закадычного друга!

Бился «максим» в порыве свирепой прилежности.
Бредил раненый ломким, надорванным голосом.
Неуклюжими жестами наплывающей нежности
Гаманенко разглаживал Ленькины волосы.

По сутулому телу расползалась агония,
Из-под корки бинта кровоточила рана.
Сквозь пальбу уловил в замирающем стане я
Нервный всхлип, торопливый выстрел нагана.

...Мы лежали на подступах к небольшой деревеньке.
Пули грызли разбитый снарядами угол.
Трехаршинный матрос Петро Гаманенко
Пожалел закадычного друга.

1928

ВОЙНА

Запущенный садик... Густые кусты.
В таком закоулке лежать тишине бы.
Но рвется шрапнель, и заржавленный штык
Сердито царапает низкое небо.

Смыкается красноармейская цепь.
В глазах у людей боевая забота.
Хрипит за кустами, на шатком крыльце,
Голодный надорванный лай пулемета.

Из прорванной тучи срывается дождь,
Смывает усталость бессонных походов.
Ложится плашмя перезрелая рожь
Под сапоги атакующих взводов.

За хрипом атаки пришла тишина.
Прорезалась в небе полоска заката.
И слышно: в соседней слободке война
Взревела неистовым криком набата.

В разрушенном хуторе встал лазарет.
Составлены сводки. Подсчитана убыль.
Я знаю: насытая смерть на заре
Скует не одни посиневшие губы.

Слышны на закате ковальная дрожь
И жалобы пчел на разбитых колодах.
Войди в этот странный покой — и поймешь
Величье и цену двадцатого года.

1928

ДЕВИЧЬЯ ПЕЧАЛЬНАЯ

Рано-раненько, до зорьки, в ледоход,
Снаряжала я хорошего в поход.
На кисете, на добро, не на беду,
Алым шелком шила-вышила звезду.

Шила-вышила удалой голове
Серп и молот алым шелком по канве.
И уехал он, кручинушка моя,
Биться с белыми в далекие края.

Отгремела громом летняя страда,
Пастухи пригнали на зиму стада.

Только мне от дорогого моего
Ни ответа, ни привета — ничего.

Поздним вечером в студеном январе
Проскрипела подворотня на дворе.
Мне привез из-под Царицына сосед
Шитый шелком, кровью крашенный кисет.

Я кручину никому не покажу.
Темной ночью выйду в поле, на межу.
Буду плакать, буду суженого звать,
Буду слезы на порошу проливать.

Где падет моя горячая слеза —
Расцветут весной анютины глаза.
Я цветок печальный бережно сорву,
Соловья из рощи песней позову:

«Ты возьми, возьми, соловушка, цветок!
Далеко лети, далеко, на восток!
Цветик малый на могилу положи,
Про тоску мою девичью расскажи»

1934

ПОВОЛЖАНКА

Знойная ночь перепутала все
Стежки-дорожки.
Задорно звенят
На зеленом овсе
Серебряные сережки.

Синие сосны, синяя сонь —
Час расставанья
Над Волгой-рекой
Расплескала гармонь
Саратовское «страданье».

Над тихой гречихой,
Над гривой овса

Девичью разлуку
Поют голоса.

Девчонке-подружке
Семнадцатый год.
Дружок у девчонки
Уходит во флот.

Над тихой гречихой,
Над гривой овса
Девчонке грустить
Не велят голоса.

Подружка подружке
Частушку поет,
Подружка подружке
Надежду дает:
«Сирень цветет,
Не плачь,
Придет...»

Над тихой гречихой,
Над гривой овса
Сливаются
Девичьи голоса.

1935

* * *

Черные косы склонив к пруду,
Неясную песню бормочет мать.
Ребенок у берега ловит звезду
И не может ее поймать.

Ребенок ладонью прикрыл звезду,
Колыхнулась рябью вода.
Круги разошлись, и снова в пруду
Неподвижно стоит звезда.

В глубине водоема синее ил.
Сиротливо стынут следы.

Так вот и я когда-то ловил
Отражение дальней звезды.

Зрелость пришла и сказала мне:
«Не туда глядишь, не туда!»
Я выпрямился и увидел: в вышине
Горит большая звезда.

По ней равняли бег поезда,
Шли народы сквозь дым ночей.
И остался в сердце моем навсегда
Жаркий отблеск пяти лучей.

1935

* * *

Светлый солнечный день прошел стороной.
Облака распахнулись Стали видны
Окаймленные горной стеной и волной
Неоглядные дали моей страны.

Города вырастают — мои города.
И плоды созревают — мои плоды.
Поезда пробегают — мои поезда.
И следы на Эльбрусе — мои следы

Для меня атмосферы гудят в котле.
Ледоколы сдвигают рубеж зимы.
Ни в каком столетье здесь, на земле,
Жизнь и труд не любили, как любим мы

Этот гул проводов, этот шорох пил,
Эту скорость метро в глубине земной
Я, искатель и труженик, все купил
Дорогой, не сравнимой ни с чем ценой

Я Отчизну с винтовкой прошел поперек;
Я названья давал ее городам;
Как невесту лелеял, как сына берег,
Разве я эту радость кому отдам!

Если в строй позовет военная медь,
Если гнойной росой вспотеют луга,
Я пойду не затем, чтобы умереть,
А затем, чтобы жить, поражая врага.

1935

ПЕСЕНКА

Нас не баловала смолodu
Пресловутая судьба.
Рано мы садились, с голоду,
На хозяйские хлеба.

В той юдоли, в той погибели,
У чужого верстака,
Из души пинками выбили
Все, чем молодость легка.

Злобный век рубил колени нам,
Спины гнул в бараний рог.
И сошлись мы в жизни с Лениным
На кресте больших дорог.

В нашу молодость постылую
Он вошел, как в тесный дом.
Нашу ненависть бескрылую
Окрылил своим умом.

Прозвенит в веках балладами
Время мужества,
Когда,
Не сгибаясь под снарядами,
Мы вступали в города.

Прозвенит в веках былинами
Время зрелости,
Когда
Над бесплодными равнинами
Мы воздвигли города.

Без числа дорог исхожено,
Солнце встало на крови.
Злое сердце растревожено
Первой радостью любви.

1935

НАЕДИНЕ С СОБОЙ

Сам с собой останешься, проснется
В памяти бывшее иногда.
В нашем прошлом, как на дне колодца,
Черная стоячая вода.

Был порядок жизни неизменен,
Как дневной круговорот земли.
Но вошел в него Владимир Ленин
И позвал, и мы за ним пошли.

Стали силой мы и стали властью
В этот памятный и светлый час.
Хочешь знать, как зарождалось счастье, —
Мы расскажем Спрашивай у нас

1939

НА ВОКЗАЛЕ

На площади у вокзального зданья
Армейцы месили слякоть
В глаза целовали в час расставанья,
Давала слово не плакать.

Шел снег. Поезда проходили мимо.
Гудками сердце кололи.
Зачем ты не плакала? Нестерпимо
Немое горенье боли

Чуть северным ветром дохнет погода,
И боль оживет, упряма...

Кричу тебе в даль сурового года:
— Расплачься.. Расплачься, мама!

1939

ОТРЯД ИДЕТ В АТАКУ

Всех пулеметов кривотолки
В свинцовый жгут атака вьет.
Матрос-балтиец на двуколке
Над смертью «Яблочко» поет.

На белый снег по кромке клеша
Густая кровь стекает вниз.
А ну-ка, мальчик мой Алеша!
Вперед, в штыки, за коммунизм!

Про молодость в чаду сраженья
Не вспомни и не пожалей.
Закон земного притяженья
Под пулями преодолей.

И в рост поднялся под шрапнелью.
И робость в сердце замерла.
Легко... Как будто над шинелью
Метнулись в небо два крыла.

1939

ТАК МЫ РОСЛИ

Стояли молча сумрачны, упрямы.
Бинты сочились кровью свежих ран.
— Мы вас опять загоним в клетку, хамы! —
Орал на нас лихой штабс-капитан.

За двадцать лет иссякла горечь плена.
Ты, может статься, нынче генерал.
Так слушай: мы из хамова колена.
Наш предок потом землю удобрял.

Ни русский бог, ни твой эстонский юмал
Загнать нас в клетку снова не могли.
Жди очереди...

Я сказал, что думал.
Так мы росли.

1939

ДЕКАБРЬСКИЙ ДНЕВНИК

* * *

Время, что ли, у нас такое?
Мне по метрике сорок лет,
А охоты к теплу, к покою,
Хоть убей, и в помине нет.

Если буря шумит на свете —
Как в тепле усидеть могу?
Подхватил меня резкий ветер,
Закружил, забросил в тайгу.

По армейской старой привычке
Трехлинейка опять в руке.
И тащусь к чертям на кулички
На попутном грузовике.

Пусть от стужи в суставах скрежет.
Пусть от голода зуд тупой
Если пуля в пути не срежет,
Значит — жив, значит — песню пой.

Только будет крепче и метче
Слово, добытое из огня.
Фронтовой бродяга-газетчик —
Я в любом блиндаже родня.

Чем тропинка труднее, уже,
Тем задорней идешь вперед.
И тебя на ветру, на стуже
Никакая хворь не берет.

Будто броня на мне литая.
Будто возрасту власти нет.

Этак сто проживешь, считая,
Что тебе восемнадцать лет.

* * *

Друг мой! В таежной ночной тишине
Вспышки ракет осветили окно.
Ты на минуту нагнись ко мне,
Я тебе слово скажу одно.

Если порвет пулеметный дождь
Жизни моей непрочную нить —
Вынь мое сердце! Ты в нем найдешь
Песню, которая будет жить.

* * *

Сердце бьется тревожно. Ко мне
Снова мать приходила во сне.
Будто в детстве тиха и светла,
Целовала, куда-то звала.

Слыша взрывы сквозь сон, за стеной,
Я ответил печальной, родной:
— Не зови меня, погоди.
У меня еще жизнь впереди.

* * *

Дорогая, хорошая, сердце мое!
Как медлителен времени бег!
Третий раз эта ночь поднимает в ружье
И бросает на черный снег.

Успокоилось. Лег. Задремал слегка.
Вижу в дымке поволжский плес.
Слышу шелест шагов. И твоя рука
Чуть коснулась моих волос.

Мы над волжским простором вдвоем стоим.
В складках туч проступил рассвет.

И молчаньем твоим, и дыханьем твоим
Я на свежем ветру согрет.

Журавли улетают на юг, трубя,
Тянет холодом зимних дней.
Никого я не знаю лучше тебя:
Ближе, ласковее, родней.

Журавли улетают на юг в вышине.
Разве мы их вернем назад?..
Вновь команда: «В ружье!» Опять по стене
Хлещет крупный свинцовый град.

Если финский стрелок облюбует меня,
Гряну навзничь, руки вразброс, —
Вспомни крик журавлиный, рождение дня,
Ветер, молодость, волжский плес.

* * *

Звенит под лыжами стеклянный наст,
По перелеску выстрелы блеснули.
Мы под огнем. И кто-нибудь из нас
Не обойдет летящей финской пули.

И навзничь рухнет в редком сосняке,
И потускнеет взгляд под бровью строгой.
И только чье-то сердце вдалеке
На эту смерть откликнется тревогой.

Есть высшее из всех гражданских прав:
Во имя жизни встретить ветер боя,
И если надо, смертью смерть поправ,
Найти в огне бессмертие гсроя.

* * *

Осторожно пощупал — кисет не промок,
Вынул бережно щепоть махорки,
Завернул, закурил. И поднялся дымок,
По-домашнему теплый и горький

Черным дегтем внизу клокотала река
В белом инее стыла береза.
По холодному небу текли облака, —
Может быть, от родного колхоза.

Он устало присел на подрубленный ствол
Возле самого края обрыва.
А по мосту, который он за ночь навел,
Горный полк проходил торопливо.

Грохотали орудия разных систем,
Шелестели по наледи шины.
Он сидел, и курил, и завидовал тем,
Кто ведет боевые машины.

Завивался и таял табачный дымок,
Как тепло задушевной беседы.
Он был плотник. И было ему невдомек,
Что за ним половина победы.

Северная Финляндия. 1939

* * *

Детей не ждет тепло родного крова.
В наплывах крови мертвая трава.
И вот в мои стихи приходят снова
Прямые и жестокие слова.

Нет твари бессердечней и бесчестней,
Чем злобный Гитлер, враг моей земли.
О, если бы поэты гневной песней
Врага, как сталью, поражать могли!

Всю ненависть, что в сердце накопилась,
Прямым ударом, яростно, сплеча,
Как сталь кинжала, я вонзил бы в тело
Пресыщенного кровью палача.

Но песне быть кинжалом не дано...
Шагай же, песня, с воинами вместе!

Пусть ненависти горькое зерно
В сердцах бойцов взойдет ростками мести.
Лишь в день победы мы вздохнем свободней,
В цветах увидим Родину свою.
Во имя этой радости сегодня
Я месть, и гнев, и ненависть пою.

Западный фронт. 1941

* * *

Человек склонился над водой
И увидел вдруг, что он седой.
Человеку было двадцать лет.
Над лесным ручьем он дал обет:
Беспощадно, яростно казнить
Тех убийц, что рвутся на восток.
Кто его посмеет обвинить,
Если будет он в бою жесток?

Западный фронт. 1941

* * *

Мой сын синеглазый!
В тревожные, грозные дни
Прочти эти строки
И в памяти их сохрани.
Я жить, побеждая, хочу,
Но война есть война.
И если фашистская пуля
Мой путь оборвет,
Заменит отца тебе
Наша большая страна,
И сердце мое
В твоей груди оживет.
Я в трудное время
Исполню свой долг до конца.
Тебе не придется краснеть,
Вспоминая отца.

Западный фронт. 1941

Стали в августе ночи длинные, темны,
Осень в стекла стучит дождем.
Дочка шепчет: — Мама, дойдем до войны
И его домой приведем.

— Что ты, ласточка! Слышишь, как плачет
дожди!

Заплутала в дожде луна.
Разве ты его в дальних лесах найдешь?
Ночь сегодня темным-темна.

Спи, забудься, касатка! Дыши легко.
Перепутала ночь пути.
Ты совсем еще крошка. Война далеко.
И тебе до нее не дойти.

Мы в письме нарисуем ручку твою,
А письмо отдадим стрижу.
Хочешь, доченька, песню тебе спою?
Хочешь, сказочку расскажу?

Глухо капли дождя по стеклу стучат.
Притаился ребенок, смолк...
— На добычу поджарых своих волчат
Вывел тощий немецкий волк.

Волк ползет по просторам твоей земли,
Хочет крови твоей добыть.
Чтобы воины наши домой пришли,
Надо злого волка убить.

Твой отец с победой вернется домой,
Приласкает дочку свою.
Гы уснула, пушистый зайчонок мой,
Баю-баюшки, баю-баю!..

Западный фронт. 1941

Устали... Отчаянный выпал денек!
Шесть танков спалили у склона.
На корточках сидя, заснул паренек
В землянке разведбатальона.

Снаряды кромсают чернильную тьму,
И поле снегами одето.
А парень разнежился. Снится ему
Весна, уходящая в лето.

Такая вокруг тишина и покой,
Что слышно сердце перестуки.
Идет он над Волгой, сжимая рукой
Горячие девичьи руки.

Поет соловей на медной сосне.
Туманы колышутся зыбко.
И улыбается парень во сне
Совсем не военной улыбкой.

Западный фронт. 1941

Софье Кревс

Бьется в тесной печурке огонь.
На поленьях смола, как слеза.
И поет мне в землянке гармонь
Про улыбку твою и глаза.

Про тебя мне шептали кусты
В белоснежных полях под Москвой.
Я хочу, чтобы слышала ты,
Как тоскует мой голос живой.

Ты сейчас далеко-далеко.
Между нами снега и снега.
До тебя мне дойти нелегко.
А до смерти — четыре шага.

Пой, гармоника, вьюге назло,
Заплутавшее счастье зови.
Мне в холодной землянке тепло
От моей негасимой любви.

1941

* * *

В громе яростных битв пролетают над нами
Беспокойные, грозные, трудные дни.
Встань, поэт, перед строем, под красное знамя
И в глаза современникам прямо взгляни.

Ты сопутствовал каждому нашему шагу.
Все мы вместе встречали тревожный рассвет.
Как отчизне на верность приносят присягу,
Присягни нам на песню, окопный поэт.

Все движенья солдатской души карауля,
Кровью сердца пиши нам про наши дела,
Чтобы песня заклатьем от боли и пули
На солдатское верное сердце легла.

Чтобы после великого часа победы
Молодые наследники нашей земли
Песнь о том, как сражались и верили деды,
Красным знаменем славы в века унесли.

Западный фронт. 1942

ПРЕДЧУВСТВИЕ ВЕСНЫ

Видно, уж нам дорога такая —
Жить на земле от войны к войне.
Плещет речушка, у ног протекая,
Ласточки гнезда вьют на стене.

В золоте полдня сосен верхушки,
Солнца звенящего — край непочат,
А из-за леса тяжелые пушки,
Не устая, кричат и кричат.

Кто запретит в этот полдень кричать им?
Что им до радостной боли зерна?
Им ведь не слышно, что вешним зачатьем
Каждая травка напряжена.

Пусть с тишиной наши судьбы в разладе, —
Мы не хотим под ярмом одичать.
Ради цветенья и радости ради
Мы заставляем железо кричать.

Пусть наше время жестоко и дико, —
Вытерпи! Землю ногтями не рви.
Мы для детей из железного крика
Выплавим светлую песню любви.

Западный фронт. 1942

* * *

Полукружьем пологим выгнут
Каждой пули быстрый полет.
Если пуля меня настигнет,
Друг открытку тебе пришлет.

Под полночный грохот зенитки,
Сотрясающий ветхий вокзал,
Друг расскажет в этой открытке
Все, что я бы тебе сказал:

Что в дыму и вязком тумане
Я лишился последних сил;
Что до самой смерти в кармане
Твой портрет над сердцем носил;

Что в бою на твоём портрете
Смертный след оставил металл;
Что в глухую ночь в лазарете
Друг мне письма твои читал;

Что, согретый словами твоими,
Я затих у всех на виду;

Что твое короткое имя
Называл в предсмертном бреду.

Не о смерти думают люди,
Проходя сквозь ветер атак.
Ну, а если такое будет, —
Будет так.

Западный фронт. 1942

* * *

От пушки на лугу косая тень.
Над лугом ласточки скользят легко.
Сегодня твоего рожденья день,
А ты за Камой где-то, далеко.

Иван-да-марья, и ромашки цвет,
И васильки в пшенице на пути.
Нарвать бы здесь большой-большой букет
И к изголовью тихо принести.

Поцеловать бы руку и уйти
Опять сюда, к истоптанным лугам.
Да нам пока заказаны пути
С полей войны к родимым очагам.

Жар-птица чертит не для нас круги,
И серый волк не ждет меня в тайге.
Солдату скороходы-сапоги
С царевичевых ног — не по ноге.

Проснись и платье светлое надень,
А в косу — колокольчик голубой.
Сегодня твоего рожденья день.
Ты не одна — душа моя с тобой.

Западный фронт. 1942

Софье Криве

Над умытым росой кирпичом
Клонит горькие грозди калина.
Неизвестно, о ком и о чем
На закате грустит мандолина:

То ли просто в ней звон камыша,
То ли скорбь по недавней утрате.
Все равно. Потеплела душа,
Подпевая струне на закате.

И грустя, и скорбя, и любя,
И томясь ожиданьем в разлуке,
Сердце воина слышит себя
В мимолетном серебряном звуке.

Под Ржевом. 1942

Сторожко прикикая к черным зданьям,
Проходит по руинам тишина
Глухая к человеческим страданьям,
Плывет меж звезд холодная луна.

В воронках на ночь залегли секреты,
Саперы мост наводят на реке,
Зеленые немецкие ракеты,
Качаясь, догорают вдалеке.

Потрясены величием вселенной
И слушая беззвучный звездный хор,
Мы шепотом заводим сокровенный,
Взволнованный, сердечный разговор.

Не сетуя, не злясь на жребий лютый,
Припомнив близких, теплое жилье,
Мы верим в эти краткие минуты
И в счастье и в бессмертие свое.

Под Ржевом. 1942

* * *

Видно, выписал писарь мне дальний билет,
Отправляя впервой на войну.
На четвертой войне, с восемнадцати лет,
Я солдатскую лямку тяну.
Череда лихолетий текла надо мной,
От полночных пожаров красна.
Не видал я, как юность прошла стороной,
Как легла на виски седина.
И от пуль невредим, и жарой не палим,
Прохожу я по кромке огня.
Видно, мать непомерным страданьем своим
Откупила у смерти меня.
Испытало нас время свинцом и огнем.
Стали нервы железу под стать.
Победим. И вернемся. И радость вернем.
И сумеем за все наверстать
Неспроста к нам приходят неясные сны
Про счастливый и солнечный край.
После долгих ненастий недружной весны
Ждет и нас ослепительный май.

Под Ржевом. 1942

НАДПИСЬ НА КНИГЕ «ТРИ ТЕТРАДИ»

Еще не кончена война,
Еще сердца разлукой раним,
И все ж в иные времена
Давай, назло войне, заглянем.

За гранью будущих годов
Давай найдем у горизонта

Дымки военных поездов,
Последний раз бегущих с фронта.

Вообразим, что не шрапнель,
А ливни хлещут по долинам,
Что гимнастерка и шинель
Погребены под нафталином,

Что в мире мир и тишина,
Что спят деревья, люди, зданья,
Лишь нам, счастливым, не до сна,
Как в вечер первого свиданья,

Что слышит сонная трава,
Как возникают в нашей речи
Полузабытые слова
Неповторимой первой встречи...

Да будет так... Пройдут года.
Мы сбросим с плеч войны вериги.
И сном покажется тогда
Нам злая правда этой книги.

1943

ПИСЬМО

Я лежу в секрете за оградой,
Пули градом хлещут по стене
Ты была мне солнцем и отрадой.
Отзовись! Письмом своим порадуй —
С письмами повадней на войне.

Третий раз весну не встретим вместе.
Отзовись! Любимым назови!
Из далеких городских предместий
Всех скорей сюда приходят вести
По прямому проводу любви.

Не прикинешь, сколько жить на свете.
Отзовись! С ответом поспеши:

Всякое случается в секрете —
Может оборвать железный ветер
Провод ожидающей души.

1944

* * *

Дорогая моя! Неизменный мой друг!
В День Победы вперед погляди.
Как просторна земля! Сколько света вокруг!
Сколько радости там, впереди!

Вот обрублены нити военных дорог,
Что не раз разлучали с тобой,
Вот и снова прошли мы сквозь годы тревог,
Тесно связаны общей судьбой.

В дни, когда налетающий с запада шквал
Сыпал ливнями огненных стрел,
Я Отчизне, как сын и солдат, отдавал
Все, что мог, что имел, что умел.

Я шагал по обугленной боем меже,
Чтоб до сердца солдата дойти;
Был своим человеком в любом блиндаже,
У любого костра при пути.

Я пронес в эти дни сквозь ревущий металл
Голос гневного сердца живой
О сегодняшней радостной встрече мечтал
В белоснежных полях под Москвой.

Нашу светлую радость ни с кем не деля,
В День Победы пройдем по Москве,
Звезды нашей судьбы над громадой Кремля
Нынче снова зажглись в синеве.

9 мая 1945

Белый иней стынет на омете.
 Вьюга все дороги замела.
 Девушка стоит на эшафоте,
 Как огонь бессмертия, светла.

Стража у подножья эшафота.
 Черствый лязг железа. Женский плач.
 Началась заплечная работа.
 С мученицей рядом встал палач.

А она, избитая, босая,
 От безмерных мук жива едва,
 Выпрямилась, гордая, бросая
 В будущее смелые слова.

Мерзлый жгут сжимает шею ту же,
 Но в студёный предрассветный час
 Палачи не в силах спрятать ужас
 В омутах пустых и мертвых глаз...

Сквозь людские горести и беды,
 Что на сердце тяжестью легли,
 Золотое зарево победы
 Девушка увидела вдали.

1948

* * *

Мир детства моего на дне морском исчез...
 Где петухи скликались на рассвете,
 Где зрела рожь, синел далекий лес,
 Теперь в воде сквозят рыбацьи сети.

Ты грустным взглядом в глубину глядишь,
 Без горьких сожалений и обиды.
 Там чудится тебе солома крыш
 Уснувшей деревенской Атлантиды.

Крепчает ветер. Между черных свай
Вскипает пены белоснежной вата...
Спи, Атлантида. Спи и не всплывай.
Тому, что затонуло, нет возврата.

1951

* * *

Когда устану или затоскую,
Взгляну в глаза, как в прозелень морскую,
Уйдет усталость, и тоска отпрянет,
И на душе заметно легче станет.

Вот так вся жизнь — то хлопоты, то войны
И дни без войн, как прежде, беспокойны:
Сегодня в Минске, завтра в Тегеране, —
Попробуй встречу загадай заранее.

А сколько в суматохе каждой встречи
Признаний выпало из нашей речи!
А сколько мы, прощаясь на вокзале,
Заветных слов друг другу не сказали!

За встречами, за проводами теми
Невозвратно пролетело время
Мы в тишине вдвоем не насиделись,
Как следует в глаза не нагляделись.

И все ж, мой друг, сомненьями не мучась,
Не злясь на эту кочевую участь,
Взгляни в глаза мне, глаз не опуская,
Они все те же — как волна морская.

1951

* * *

В печи пылают весело дрова,
К полуночи окончена работа.
Из тишины ночной едва-едва
Доносится гуденье самолета.

Еще листок в календаре моем
Лег на душу, как новая нагрузка.
Кто объяснит мне — почему подъем
Бывает легче медленного спуска?

К чему пустые домыслы?

Светла

Луна в своей нарядной звездной раме.
Не надо думать — молодость ушла...
Подумай, что весна не за горами.

1953

* * *

Нет той березы, нет того крыльца
И нет скороговорки бубенца.

Нет той телеги, нет того коня,
Который в город увозил меня.

Густой травой дороги поросли,
И мать не встанет из сырой земли.

Над серой крышей не дымит труба —
Давным-давно разрушена изба.

Березу распилили на дрова,
А грусть в душе и до сих пор жива.

В тревожных снах я вижу до сих пор,
Как детство уплывает за бугор,

Как мать, не видя светлых красок дня,
От слез слепая, смотрит на меня,

Как рыбки блещут сквозь слюду воды,
Как, провожая нас, кричат дрозды,

Как из моей мальчишеской судьбы
Уходят полосатые столбы,

Уходят синий ельник, и сосна,
И все, чем в детстве наша жизнь красна.

.

Вот так в былые годы человек
Вступал в свой взрослый, беспощадный век

1956

* * *

Покров по округе прошел снегосеем,
Намел у околицы ранний сугроб.
Тогда ты родился, тогда Алексеем
Нарек тебя строгий егорьевский поп.

Травинки искрились нарядной порошей.
В избе тебя новая зыбка ждала.
Склонившись над зыбкой, впервые Алешей
Тебя несчастливая мать назвала.

На всю свою жизнь ты запомнил с пеленок,
Как в утренний час петухи гомонят,
Как лижет тебя мокроносый теленок,
Как топают ножки курчавых ягнят.

Еще ты запомнил, уже подрастая,
Что мать утирает слезинки с лица,
Что в темном киоте старуха святая
Молчаньем своим осуждает отца,

Что где-то отец твой куражится пьяный,
Вконец замордованный злобой судьбой..
Мигает лампадка. Всю ночь тараканы
В щелястых полатах шуршат над тобой.

И матери тихой несмелая ласка —
Как солнечный зайчик на черной стене.
А все это вместе — жестокая сказка
О канувшем в дальнее прошлое дне.

1961

ОСНОВНЫЕ КНИГИ СТИХОВ А. А. СУРКОВА

Библиографическая справка

- «ЗАПЕВ». Госиздат РСФСР, «Московский рабочий», 1930 г.
«РОВЕСНИКИ». Изд-во «Советская литература», 1934 г.
«РОДИНА МУЖЕСТВЕННЫХ». Изд-во «Художественная литература», 1935 г.
«ПУТЕМ ПЕСНИ». Изд-во «Советский писатель», 1937 г.
«ТАК МЫ РОСЛИ». Изд-во «Советский писатель», 1940 г.
«ЭТО БЫЛО НА СЕВЕРЕ». Изд-во «Художественная литература», 1941 г.
«ФРОНТОВЫЕ СТИХИ». Изд-во «Молодая гвардия», 1941 г.
«ДЕКАБРЬ ПОД МОСКВОЙ». Изд-во «Молодая гвардия», 1942 г.
«ДОРОГИ ВЕДУТ НА ЗАПАД». Изд-во «Молодая гвардия», 1942 г.
«СОЛДАТСКОЕ СЕРДЦЕ». Изд-во «Советский писатель», 1943 г.
«НАСТУПЛЕНИЕ». Изд-во «Молодая гвардия», 1943 г.
«РОССИЯ КАРАЮЩАЯ». Изд-во «Советский писатель», 1944 г.
«Я ПОЮ ПОБЕДУ». Изд-во «Советский писатель», 1946 г.
«МИРУ МИР». Изд-во «Правда», 1950 г.
СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ в 2 томах. Изд-во «Художественная литература», 1954 г.
«ВОСТОК И ЗАПАД». Изд-во «Советский писатель», 1957 г.
СОБРАНИЕ СТИХОТВОРЕНИЙ в 2 томах. Изд-во «Художественная литература», 1959 г.
«ПЕСНИ О ЧЕЛОВЕЧЕСТВЕ». Изд-во «Советский писатель», 1961 г.
СОБРАНИЕ СОЧИНЕНИЙ в 4 томах. Изд-во «Художественная литература», 1965—1966 гг.

СОДЕРЖАНИЕ

Солдатских дум избранница. А. Турков . . .	3
О нежности	5
Война	5
Девичья печальная	6
Поволжанка	7
«Черные косы склонив к пруду...»	8
«Светлый солнечный день прошел стороной...»	9
Песенка	10
Наедине с собой	11
На вокзале	11
Отряд идет в атаку	12
Так мы росли	12
Декабрьский дневник	
«Время, что ли у нас такое?..»	13
«Друг мой! В таежной ночной тишине...»	14
«Сердце бьется тревожно...»	14
«Дорогая, хорошая, сердце мое!..»	14
«Звенит под лыжами стеклянный наст...»	15
«Осторожно пощупал — кисет не промок...»	15
«Детей не ждет тепло родного крова...»	16
«Человек склонился над водой...»	17
«Мой сын синеглазый!..»	17
«Стали в августе ночи длинные, темны...»	18
«Устали... Отчаянный выпал денек!..»	19
«Бьется в тесной печурке огонь!..»	19
«В громе яростных битв пролетают над нами...»	20
Предчувствие весны	20
«Полукружьем пологим выгнут...»	21
«От пушки на лугу косая тень...»	22
«Над умытым росой кирпичом .»	23
«Сторожко приникая к черным зданьям...»	23
«Видно, выписал писарь мне дальний билет...»	24
Надпись на книге «Три тетради»	24
Письмо	25
«Дорогая моя! Неизменный мой друг!..»	26
Зоя	27
«Мир детства моего на дне морском исчез...»	27
«Когда устану или затоскую...»	28
«В печи пылают весело дрова...»	28
«Нет той березы, нет того крыльца...»	29
«Покров по округе прошел снегосеем...»	30
Основные книги стихов А. А. Суркова	31

13 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ